

21. Государственный Архив новейшей истории Иркутской области. (ГАНИО). Ф. 4765. Оп. 1. Д. 60. Л. 15.

22. Там же. Д. 15. Л. 9.

23. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4 / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004.

24. Японские военнопленные в Карагандинской области / Под ред. Н.О. Дулатбекова. Караганда, 2011. С. 367.

25. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 247.

26. Сидоров С.Г. Организация охраны военнопленных и борьба с побегами в лагерях НКВД–МВД СССР в 1941–1952 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 4 (34). С. 103–104.

27. Там же. С. 249.

28. Цит. по: Базаров О.Д. «Сибирское интернирование» японских военнопленных в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ, 1997. С. 80.

29. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 251.

30. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). М.: Терра, 1996. С. 544–545.

УДК 94(47).084

Такэси ТОМИТА

Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка

Аннотация: История пребывания немецких и японских военнопленных в СССР имела общие черты и отличия. И те и другие одинаково были заключены в лагерях, снабжались продовольствием, принуждены были работать и подвергались политической индоктринации. При этом смертность немецких военнопленных была выше, чем японских; немецкое антифашистское движение в лагере вначале имело целью свержение гитлеровской власти в Германии, а японское, после поражения Японии в войне, сначала имело цель демократизации страны.

Ключевые слова: человеческая репатриация, положения и указы о военнопленных, питание, болезни и смертность военнопленных, трудоустройство, антифашистское движение, контакты и взаимовосприятие.

Takeshi TOMITA

The German and Japanese prisoners of war in the USSR: comparative-historical assessment

Summary: The history of stay of the German and Japanese prisoners of war in the USSR had common features and differences. Both that and others have equally been imprisoned in camps, were victualled, have been forced to work and were exposed to a political indoctrination. At the same time mortality of the German prisoners of war was higher, than Japanese; the German anti-fascist movement in the camp aimed at overthrow of the Hitlerite power in Germany in the beginning, and Japanese, after defeat of Japan in war, at first aimed democratization of the country.

Keywords: human repatriation, provisions and decrees on prisoners of war, food, diseases and mortality of prisoners of war, трудоустройство, anti-fascist movement, contacts and mutual perception.

1. Статистика

До сих пор мало работ о сравнении немецких и японских военнопленных в СССР во время и после Второй мировой войны. Есть только книга швейцарского исследователя Daehler R. [4] и доклад автора этой статьи, сделанный на научной конференции в Университете Сэйкэй 8 августа 2015 г. [15].

Важными факторами, необходимыми для сравнения положения военнопленных обеих стран являются, по мнению автора, статистические данные, почерпнутые из архивных документов. Автор приводит следующие данные:

Таб. 1. Количество немецких военнопленных, взятых Красной Армией в 1941–1945 г. [7, с. 217–218].

Таб. 2. Количество немецких и японских военнопленных на 1 апреля 1946 г. [7, с. 255].

Таб. 3. Размещение немецких и японских военнопленных по республикам, краям и областям [7, с. 653–654; 292–293].

Конечно, данные архивных документов не всегда точны, однако они необходимы для исследования различных аспектов истории плена.

2. Общее и различия

а) Общее

Цель пленения солдат и офицеров немецких и союзных им армий, разумеется, – использование рабочих сил для восстановления разрушенного во время войны народного хозяйства СССР. Советская власть, особенно после победы в Сталинградской битве, начала использовать военнопленных немцев и других в угольной, металлургической, лесозаготовительной, отраслях, железнодорожном строительстве, а также и в других отраслях промышленности. Трудоиспользование военнопленных стало своеобразной «человеческой репарацией» за ущерб, причиненный немецкой армией. Несмотря на то, что японская армия не вторглась на территорию Советского Союза, Советская власть использовала военнопленных японцев точно так же, как «человеческую репарацию», в том числе и за дела давно минувших дней – интервенцию японской армии на советском Дальнем Востоке после Октябрьской революции и даже Русско-японскую войну 1905 года.

Все военнопленные находились под контролем НКВД (МВД с марта 1946 г.) в СССР в соответствии с «Положением о военнопленных» (от 1 июля 1941 г.) и «Положением о лагере для военнопленных» (от 23 сентября 1939 г.). Эти принципиальные положения в период 1941–1945 гг. дополнялись приказами, указаниями и инструкциями о содержании и трудоустройстве военнопленных. Например, о распределении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния (от 17 июля 1942 г.), об изменении нормы продовольственного снабжения для военнопленных (от 9–10 апреля 1943 г.), о сохранении физического состояния военнопленных (от 6 марта 1945 г.) и др.

Японские военнопленные подчинялись вышеуказанным положениям и приказам, хотя были такие особенности, как не присутствие национальных блюд в норме продовольственного снабжения (хлеб и картофель, рис).

Следует отметить, что эти правила не всегда соблюдали на местах в отношении как немецких, так и японских военно-

пленных. Военнопленные обеих стран были вынуждены работать более восьми часов, даже 10–12 часов под предлогом обязательного выполнения нормы выработки. При этом их кормили гораздо меньше, чем предполагала норма продовольственного снабжения, поэтому массовым явлением была дистрофия. Военнопленные не имели зимней одежды, а их бараки не были утеплены. В результате во всех лагерях реальный трудовой фонды военнопленных были гораздо меньше, чем списочный состав, а действительно работоспособные военнопленные не всегда выходили на работы. Производственные и строительные планы, как правило, не выполнялись.

Конечно, следует принимать во внимание, что несмотря на все тяготы военного времени, спустя некоторое время после окончания войны условия содержания военнопленных стали улучшаться. Используя дифференциацию питания по выполнению нормы выработки, а потом и дифференциацию зарплаты после денежной реформы в конце 1947 г., лагерным властям удалось повысить выход военнопленных на работу, возросла их производительность труда, хотя случаи саботажа и «туфты» продолжались.

Военнопленные вне рабочего время искали утешение, например, в шахматах, чтении книг, участии в хоре, футбольной игре и т. д. Возникли музыкальные и художественные группы или кружки в лагерях и лаготделениях. Одновременно лагерные власти использовали эти досуги для политического воспитания военнопленных. Антифашистские активы и их группы возглавили эту культурно-просветительную работу, выбирая просоветские темы и представляя программы так называемого «социалистического реализма».

Немецкие и японские военнопленные возвращались домой в большинстве в 1949–1950 гг. под давлением международной общественности и военнопленные, осужденные советскими трибуналами, возвращались в 1955–1956 гг. в результате нормализации дипломатических отношений – СССР, с одной стороны, ФРГ и Японии – с другой.

б) Различия

Несмотря на вышеуказанные сходства в положении военнопленных двух стран, есть и некоторые различия. Одно из них заключается в том, что военнослужащие армии Германии

были взяты в плен во время войны, а японские в большинстве своем – после капитуляции Японии 15 августа 1945 г. до оккупации всех Курильских островов 5 сентября.

Немецкие военнопленные, в том числе те, кто был в плохом физическом состоянии, должны были жить в советских лагерях в условиях крайнего недостатка продовольствия и одежды, при равнодушном, а порой и жестоким отношении к ним со стороны сотрудников лагерей. В 1943 г., в начале которого немецкая армия потерпела тяжелое поражение в Сталинграде, число военнопленных достигло до 227,440, а количество умерших из них достигло 119 322 (52,5 %) [10, 107]. В результате советские лагерные власти испытывали большие затруднения в своем стремлении принудить немецких военнопленных работать в рудниках, на стройках и заводах.

Японские военнопленные, менее привычны к морозу, чем немецкие. Особенно тяжелым для них оказался первый зимний период (1945–1946 гг.), но все же число умерших значительно – около 30 тыс. из 600 тыс. (5 %). Можно сказать, что советские лагерные власти, да и местное население вообще, относились благодущнее к японцам, чем к немцам, потому что немецкая армия разрушила советскую территорию и уничтожила миллионы населения.

Кстати, часть японских военнопленных никогда не признавала себя военнопленными, настаивая на том, что они сдали оружие Советской Армии добровольно, согласно приказу императора. Они сохранили приверженность идее, вытекающей из приказа военного министра от января 1941 г., о том, что быть военнопленным – позор и пленному и его родственникам, солдатам лучше выбрать смерть.

Второе различие касается характера антифашистского движения. Первым антифашистским обществом немецких военнопленных – Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ), который был создан в июле 1943 г., главным образом из военнопленных, взятых в ходе Сталинградской битвы. Сталин разрешил его создание, считая, что для того, чтобы сокрушить гитлеровскую власть, нужны усилия не только всех стран, но и всех немцев, находящихся как внутри, так и вне Германии, в том числе и военнопленных. Это общество находилось под контролем коммунистов в Москве (Д.З. Мануильского

и Вальтера Ульбрихта), а его штаб находился в Красногоровском лагере под Москвой.

Оно состояло из коммунистов, социалистов, либералов-гуманистов, националистов и священников. Коммунисты играли главную роль в антигитлеровской пропаганде (выступали в газетах и в радиопередачах), в организациях военнопленных, но и другие играли немалую роль. Параллельно НКСГ существовал «Союз немецких офицеров» (СНО) во главе с генералом Вальтером фон Зейдлиц-Курцбахом, который имел определенное влияние на офицеров и солдат. Он упорно настаивал на идее неделимости территории Германии после окончания войны. Католический священник Й. Кайзер и руководимая им группа священников, в отличие от коммунистов и офицеров-националистов, взывали к совести немцев, требуя раскаяния в совершенных преступлениях против евреев и советского народа [2, с. 158–159].

Москве не нравилась самостоятельность поведения этой организации, поэтому Сталинское руководство заставило ее саморасформироваться в ноябре 1945 г. Это было сделано под предлогом ненужности национальной организации в условиях разделения Германии на четыре зоны [17, с. 34–52]. После роспуска НКСГ и СНО, антифашистское движение стало инструментом Коммунистической партии Германии (Социалистической единой партии Германии с апреля 1946 г.) и оккупационных властей в советской зоне. В западных зонах оно было подвергнуто репрессиям.

Японское антифашистское движение, имея вначале спонтанный характер как антимилитаристское движение, было постепенно возглавлено активом военнопленных под руководством политотделов лагерей. Оно приобрело настолько лояльный характер по отношению к советской власти, что направляло Сталину благодарные письма и плакаты накануне возвращения домой, в лагере его членов называли «цурусиагэ» (оголтелые критики так называемых реакционных элементов во время массовых митингов). Вместе с тем следует отметить, что участники «демократического движения», ведя свою деятельность, рассчитывали получить больше хлеба и ускорить срок репатриации [15, с. 285–286].

3. Взаимоотношения и взаимовосприятие

Как показывает таб. 3, немецкие военнопленные находились главным образом в европейской части, а японские – в Сибири и на Дальнем Востоке. Представители двух стран встретились только в лагере в Караганде (12 949 немцев и 11 805 японцев по состоянию на 1 января 1947 г.) [6, с. 528]. В офицерских лагерях соотношение японцев и немцев было таковым: в Елабуге 7340/9724; в Ладе 1500/7000; в Моршанске 7000/3000. Были они и в восточной части Украины (японцев здесь было совсем немного).

Хотя и немцы, и японцы содержались в одном и том же лагере (например, в Елабужском лагере), жили они в разных бараках. И только в спецгоспиталях те и другие жили вместе, как указывается в воспоминаниях Идзуми. В Спасском спецгоспитале Карагандинской области японцы были довольны питанием и медицинской помощью, которые были поручены здесь немецким поварам и санитарам. В целом немцы и японцы хорошо относились друг к другу [8, с. 73–74]. В офицерских лагерях японцы, которые могли говорить по-немецки, разговаривали с немцами. Были даже совместные концерты, хотя конечно руководимые и организованные немцами [1, с. 318, 325].

По воспоминаниям японцев, складывается такой образ немецкого военнопленного [3, с. 169–189; 14, с. 228]:

1) Немцы – гордый народ, относящийся с презрением к другим нациям. Они всегда говорили «мы потерпели поражение в войне, а не от русских».

2) Немцы хорошо знали Женевскую конвенцию о военнопленных, поэтому немецкие офицеры отказались работать. Японские же офицеры почти добровольно подчинились приказам и указам лагерных властей.

3) Так называемое демократическое движение среди японцев никогда не возникало среди немцев, которые никак не проявляли сочувствия к советскому строю и коммунистическим идеям.

Эти характеристики, особенно 2) и 3), были общеприняты в послевоенном японском обществе. Но немецкие военнопленные считали себя другими.

По воспоминаниям немцев [11, с. 369–382]:

1) Некоторые немцы получили немаловажные посты в лагерной иерархии (такие как бригадиры) и оказывали давление на своих соотечественников.

2) Немцы были достаточно эгоистичны, когда возникали споры и конфликты, которые не могли быть незаметны для представителей других наций.

3) Среди немцев были те, кто стал информаторами и осведомителями управлений лагерей для того, чтобы получать больше хлеба и ускорить их репатриацию.

Почему японцы оценивали немцев лучше, чем себя самих? Следует отметить, что взаимные контакты военнопленных ограничивались лишь офицерством. При этом японские офицеры чувствовали себя ниже, чем немецкие (ведь японская армия всегда старалась подражать и следовать примеру немецкой армии). Японские офицеры, которые сложили оружие почти без боя, переоценивали немецких, которые вели ожесточенные бои против Советской Армии до конца. Кроме того японские офицеры испытывали известное чувство стыда из-за того, что среди них значительное количество приняло участие в «демократическом движении».

Вышеуказанные образы, созданные на основе воспоминаний показывают (особенно 3), что группы военнопленных находились в одинаковом положении. Исследователи так оценивают положение немецких военнопленных в лагерях: «Вчерашний самоуверенный эсэсовец превращался в «развалину», впадая в апатию, пытался покончить с собой. Иной отбирал или воровал у товарищей голодную пайку, одежду и обувь. Самым ужасающим в первый год плена стал тот факт, что многие товарищи совершенно потеряли выдержку после того, как рухнули стоящие за спиной великая немецкая империя и ее вермахт» [5, ч. 1, с. 218].

4. Психология и менталитет военнопленных

Прежде всего, следует отметить, что не только японская, но и немецкая армия насадила в солдатах идею о невозможности и даже запрещении сдаваться в плен, подчеркивая, что военнопленные будут безусловно убиты. Попав в плен, солдаты были морально подавлены, считая, что опозорили себя. Бывший немецкий военнопленный Й. Хендрикс пишет в своих воспоминаниях: «Я видел только дюжину бледнолицых, с впалыми

щеками людей, смотрел в их безучастные и большей частью тупые, бородатые физиономии. В них отражался глубочайший и безнадежный мрак» [13, с. 174]. Японские военнопленные были в том же физическом и психологическом состоянии.

Главным законом лагерной жизни был принцип «выжить любой ценой». Хендрикс продолжает: «Они взаимно подозревали друг друга, мелочно, как попрошайки, ругались за каждую крошку хлеба, с жадностью поедали водянистый суп из жестяных или деревянных мисок. Изощренным ритуалом было у них точнейшее распределение скудных продуктов питания, при этом у них, как у собак Павлова, слюна стекала из уголков рта» [13, с. 174–175].

Борьба за существование, конечно, имела место среди японских военнопленных и довольно типичная картина изображена в рисунке Исаму Ёсида «Распределение продовольствия». Воровство хлеба у своих товарищей стало обычным делом, а кто-то даже ожидал смерти соседа в надежде заполучить его хлеб. В японских воспоминаниях такая моральная дегенерация нередко называлась «падение в *Гаки-до*» (буддистский ад).

Как военнопленные выжили в таких тяжелых условиях? Один бывший немецкий военнопленный пишет в своем воспоминаниях: «Они пытались исследовать духовные основы враждебного мира, в котором они оказались, изучали язык власть держащих, стремились обосновать существо страны и людей, насколько это было возможно из литературы, истории и, при случае, личных контактов. Воля к жизни, образование и способность занять себя духовно, склонности и дарования, которые выходили за пределы профессиональной сферы, оказались там средством защиты» [Цит. по: 5, ч. 1, с. 221).

Те, кто пережил апатию, одиночество, и взаимное недоверие, называли свою лагерную жизнь «школой или университетами». Один бывший немецкий военнопленный пишет в своих воспоминаниях: «Я овладел новым знанием, критическим чувством и осознал, что я мог никогда не узнать так много о человеческой жизни, находясь в свободном, внешнем мире. Здесь, в аду страданий, я слышал от других о тяжелых испытаниях, по сравнению с которыми мои собственные переживания казались ничтожными. Я даже достиг состояния внутреннего спокойствия» (Цит. по: 13, с. 180).

Некоторые бывшие японские военнопленные тоже характеризуют свою лагерную жизнь. Ито Тосио, который был заключен в лагере № 32 (в г. Иркутск), пишет о «первичной демократии, в которой он и его товарищи впервые узнали радость дискуссий, запрещенных в довоенном милитаристском обществе и особенно в армии» [9, с. 223]. Известный антрополог-археолог Като Кюдзо, несмотря на то, что он подумывал о том, что военнопленные утрачивают человеческие качества (он узнал о факте каннибализма военнопленных в его колонне лагеря № 7 (Тайшетлаг), всегда называл жизнь в Сибири «своим университетом» [12, с. 20–35].

Список литературы и источников

1. Араки Иосио. Сорэн ни окэру хорё-нисси, Хорё-тайкэн-ки, т. 3, Токио, 1984. (Дневник военнопленного в СССР, в «Записки военнопленных в СССР»).
2. Борозняк А.И. Священник Кайзер: «NITSCEWO!». Тимофеева Н.П. (под ред.) Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний. Воронеж, 2010.
3. Гото Тосио. Сибиря Укураина: Ватаси но Хорё-ки, Токио, 1985. (Мои записки военнопленного: в Сибири и на Украине.)
4. Daehler Richard. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1945–1956, Vergleich von Erlebnisberichten, Wien/Zurich, 2007.
5. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири 1943–1950 гг. Историческое исследование и документальные материалы. Новосибирск, 2014.
6. Японские военнопленные в Карагандинской области / Под ред. Н.О. Дулатбеков. Караганды, 2011.
7. Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько. Москва, 2000.
8. Идзуми Масаюки. Супасуку бэин-дай 22 сюидзо, Хорё-тайкэн-ки, т. 5, Токио, 1986. (Спасский спецгоспиталь – лаготодделение № 1 // Записки военнопленных в СССР).
9. Ито Тосио. Сироки Ангара-гава: Ирукуцуку даи-ити хорё-сюёдзо-но кироку. Токио, 1979. (Белая река Ангара: запись военнопленного в лаготделении № 1 Иркутского лагеря).
10. Карнер Стефан, Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956. Москва, 2002. (Оригинал на немецком языке, Вена, 1995).
11. Carell Paul, Boeddeker Gunter, Die Gefangenen, Frankfurt am Mein, Berlin/Wien, 1980. (Translation into Japanese, 1986).
12. Като Кюдзо. Сибиря-иокурю ха фийлудо-ваку, *Кокен*, Токио, 2010. (Интернирование в Сибири явилось исследованием на месте).
13. Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1.

14. Судзки Тосио. Урару во коете. Хорё-тайкэн-ки, т. 3, Токио, 1984. (За Урал // Записки военнопленных в СССР.)

15. Такасуги Итиро. Кёкко-но кагэни: Сибиря хорё-ки, Токио, 1950 (Во тьме под северным сиянием: Записки из сибирского плена).

16. Томита Такэси. Нихондзин-Доицудзин хорё-но Сорэн ёкюрю Хикаку (Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнение).

17. Хавкин Б.Л. Национальный комитет «Свободная Германия» и попытка создания немецкого антигитлеровского правительства // Новая и новейшая история. 2015. № 4.